

ИСТОКИ МОДЕЛЬНОГО ПОДХОДА В СИНТАКСИСЕ

В статье прослеживается история становления модельных исследований в общем и тюркском языкознании.

Лингвистика с середины текущего века ищет подходы к такому описанию синтаксической сферы языка, которое соответствовало бы состоянию знаний о нижележащих уровнях и их единицах. Давно стало общепринятым последовательное разграничение языковых единиц, "эмических сущностей", и их реализаций в речи: фонемы и звуки речи, "фоны", лексемы и лексы, морфемы и морфы. В синтаксисе пока нет еще ясного и последовательного разграничения того, что принадлежит языку, и того, что принадлежит речи. Отсутствие "эмических терминов" для этого уровня и двусмысленность термина "предложение" – яркое проявление этой ситуации.

Осознание этого неблагоприятия становилось возможным и все более явным по мере того, как в лингвистические исследования всех уровней внедрялись принципы и методы моделирования. Само понятие "модель" предполагает сущностное, но иноприродное ему отображение объекта, как буква иноприродна отображаемому ею звуку – как звуку речи, так и звуку языка. Поэтому буква и служит первичной моделью фонемы.

Буквы верно служили лингвистам в представлениях о словах и о морфемах. В синтаксисе дело обстояло иначе. Буквы использовались для фиксации сообщений, на них возлагалась и возлагается функция коммуникации. Фразы, которые мы записываем буквами, принадлежат миру явлений. Фиксация сущностей, скрытых за фразами, требует особых средств, особого языка. Эта задача и должна решаться методами моделирования.

Первые синтаксические модели, которые создавались в 50–60-е годы в рамках структурной и математической лингвистики, сравнительно слабо поднимались над моделируемыми объектами – фразами, продуктами речевого творчества. Но сама форма символической записи открывала перспективу других возможностей, позволяя увидеть, угадать скрытые сущности. Эти ранние модели, создававшиеся в рамках грамматики непосредственно составляющих (НС) и грамматики зависимостей, кажутся сейчас сопоставимыми с рентгеновскими снимками, которые, "фотографируя" объект, позволяют увидеть в нем что-то, прямому наблюдению недоступное.

Однако тот факт, что существуют (не могут не существовать) синтаксические единицы языка, глубоко отличные от речевых построений, что число их должно быть конечным, что они должны иметь знаковую природу, т.е. крепчайше связанные два плана, – выражения и содержания, еще долго оставался почти неосознанным.

Первые интересные шаги в направлении моделирования русского простого предложения в 60-е годы были сделаны Т.П.Ломтевым. Он ясно ощущал двустороннюю знаковую природу предложения, но принятый им способ фиксации и представления объекта – без помощи символов, намеренно искусственными "образцами-фразами" – не давал возможности вполне прояснить и развить это понимание объекта. В конце 60-х годов Н.Ю.Шведова разработала свои "структурные схемы" русских простых предложений, в которых использовала символический способ представления выражающей стороны. Это позволило ей поставить и по-своему решить задачу создания закрытого списка моделируемых объектов. Но сам объект моделирования понимался ею слишком узко, – по сути дела, предложение сводилось к предикативному узлу, субъектно-предикатной структуре, к двусоставному или односоставному ядру предложения. Построенные ею структурные схемы не позволяют интерпретировать их как знаки, т.е. соотносить каждую единицу списка с фиксированным содержанием обобщенно - пропозиционного типа.

Следующий шаг был сделан В.А.Белошапковой, которая строже и шире подошла к пониманию и отображению моделируемых структур. Ее список предстает как

своеобразная система предложенческих форм, за которыми отчетливо просматривается соответствующая ей синтаксическая семантика. Но все-таки и эти объекты, расширенные за счет конкретизации субъектных и предикатных компонентов, но не включающие в себя актантов, необходимых для выражения пропозициональных содержаний, остаются еще "расширенными" структурными схемами, а не моделями предложений.

В тюркологии в конце 20-го столетия начались серьезные эмпирические исследования простого предложения, основанные на понимании предложения как единицы языка, в противопоставление фактам речи. В 1983 г. И.Х.Ахматовым было опубликовано первое большое структурно-семантическое исследование простого предложения, выполненное на материале современного карачаевско-балкарского языка, в основании которого лежит понимание предложения как синтаксической единицы языка, выражающая сторона которой неразрывно связана с содержательной. Соответственно объектом описания в его работе являются структурно-семантические модели.

К исследованию простого предложения в языках Сибири, ориентированному на модельное представление, новосибирская лингвистическая школа приступила в конце 80-х годов. Под этим углом зрения были изучены предложения хантыйского языка [Черемисина, Соловар, 1989; Соловар, 1990], велось исследование мансийского [Скрибник, Якушко], чукотско-корякских [Мальцева] и тюркских (алтайского – Тыбыкова, 1991; уйгурского – Абдуллаев, 1992; шорского – Телякова, 1994; тувинского – Серээдар, 1995; хакасского – Чертыкова, 1996] языков. Результаты конкретных исследований моделей местонахождения, наличия /отсутствия и количества в тюркских языках Сибири обобщены в работе Н.Ч.Серээдар, Е.К.Скрибник и М.И.Черемисиной (1996).

В итоге предварительных исследований четко обрисовалось представление о том, что элементарное простое предложение (ЭПП) является центральной единицей языковой системы. Элементарным мы называем такое простое предложение, которое состоит только из предиката, "верховного" члена предложения, непосредственно подчиненного ему необходимого "предметно-субстантивного окружения", – актантов и локализаторов. Локализаторами называем компоненты предложения при предикатах местонахождения и движения, столь же необходимых здесь, как актанты при предикатах действия, состояния и отношений: *Мы живем здесь; Дети идут в школу.*

Все "неэлементарные" предложения имеют в своей основе ЭПП. Все "допредложенческие" синтаксические формы, в частности, словосочетания, вычлняются из ЭПП или из объединений ЭПП (например, группы однородных членов). Все синтаксические формы (более крупные, чем ЭПП) представляют собой продукт объединения двух и более ЭПП, подвергающихся при этом различным процессам редукционного типа, – например, ЭПП с адъективным предикатом редуцируется в непредикативное определение, ЭПП локализации – в обстоятельство места.

Основы современной теории моделирования были независимо друг от друга сформулированы Л.Теньером и Т.П.Ломтевым. Л.Теньер считается автором «предикатоцентрической» теории структуры предложения, а также теории об обязательных и факультативных компонентах предложения, основанной на валентностных свойствах глаголов. Т.П.Ломтев определил два подхода к представлению структуры предложения, которые находятся в отношениях дополнительности, – как субъектно-предикатного построения, состоящего из группы подлежащего и группы сказуемого, и как системы предметов, связанных отношениями, которая является субъектно-предикатным построением, расширенным посредством актантов. Два способа репрезентации структуры предложения, предложенные Т.П.Ломтевым, дали начало двум направлениям, в соответствии с которыми развивались суждения о структуре предложения в работах последующих отечественных лингвистов.

Литература:

1. Абдуллаев, С.Н. Вопросы описания синтаксиса простого предложения в уйгурском языке[Текст] /С.Н.Абдуллаев//Языки, духовная культура и история тюрков:

традиция и современность: материалы VI Междунар. тюркол. конф. -Казань,1992. -С. 6-12.

2. Белошাপкова В.А. Синтаксис // Современный русский язык. М.: Азбуковник, 1997. - С. 606-868.

3. Гак В.Г. Высказывание и ситуация //Проблемы структурной лингвистики 1972. - М.: Наука, 1973. - С. 349-372.

4. Золотова Г.А. О глагольности предложения //Вопросы синтаксиса русского языка. -Калуга, 1971. - С. 11-16.

5. Черемисина М.И. Элементарное простое предложение в языках Сибири //Гуманитарные науки в Сибири. 1995. - № 4. - С. 63.